

- 4 Хмелик А.
5. А все-таки она вертится или
Гуманов в небе шипит
6 Куйбышев. Тюз
7. Рет — Карпушкин М.
Худ. — Семенов И.

34-35

12 МАИ 1981

ПОЛЖИКА ПОПОВУ
Г. КУЙБЫШЕВ

«А ВСЕ-ТАКИ ОНА ВЕРТИТСЯ...»

ОТ ЛОПОТУХИНА можно ожидать чего угодно. Опоздал на ответственную контрольную работу по математике и поговорил, нафантазировал...

А его прежде «подвиги»? Ну, к примеру, однажды, закрытый по ошибке родителем в квартире, он с риском для жизни спускается по водосточной трубе. А вскоре вновь олазывает на занятия. Почему? Оказывается, у них в доме прорвало стояк а горячей водой и он спасал старушек с верхних этажей!

Какие-нибудь заурядные причины — не для Лопотухина. Ему непременно подавай что-нибудь исключительное, из ряда вон выходящее, необычное.

Что его задержало сейчас? Летящая тарелка, приземлившаяся в их дворе, Лопотухин (Ю. Долгих) подробно описывает под гоголь взбудораженного класса, что она собой представляет, какие существа ею управляют, каков ее дальнейший маршрут.

Контрольная, конечно, сорвана. Учительница Аля Константиновна (Л. Гаврилова) — в истерике: «Или я, или Лопотухин». Директор школы поручает «поработать» возмутителя порядка на совете дружины.

И все бы прошло без сучка без задоринки — провинившийся наказан, порядок восстановлен, — если бы не тпеславке Полуэктова — председателя совета дружины к неуемная любознательность десятиклассника Шафиров.

В школе наступила примотки сумные времена. Единственный выход из этой ситуации директор видит теперь в публичном отречении Лопотухина от всего им рассказанного.

Ты, может быть, в чем-то и прав, убеждает он Лопотухина, но отречься. Ради всеобщего спокойствия и поряд-

ка. Тебе же будет лучше: ни попреков, ни двойки по математике в четверти. Какое же решение примет Лопотухин — герой спектакля Куйбышевского театра юного зрителя «А все-таки она вертится, или Гуманов в небе мчится» по пьесе А. Хмелика?

Фантастическое лопотухинское видение — знак того, что в мире еще не все открыто и объяснено, разложено по полочкам и классифицировано. Что есть еще огромное свободное пространство неизведанного, которое лежит за пределами скучной и упорядоченной реальности.

Рассказ Лопотухина в пьесе — словно бы лакусовая бумага, вымалюющая, кто есть кто. Вот, например, Юрий Георгиевич Федоров (М. Мавин), директор школы. В первом действии — рационально мыслящий, строгий и бдительный страж порядка, чуждый каких бы то ни было фантазий. Но надо видеть, с какой неистовостью во втором действии он отстаивает свою веру в непознаемое. А в результате в одном человеке — две не стыкующиеся друг с другом личности.

Другое поколение — Павлов — С. Захаров и Петров — Ю. Земляков; одноклассники Лопотухина. Они, в противовес Федорову, вдвоем создают одну личность, друг без друга как бы и не существуют.

Полуэктов (Л. Шапошников) — человек-функция. Он в любой ситуации найдет «правильные» слова и с видимой убежденностью их провозгласит. Единственная же движущая им сила — стремление всегда и во что бы то ни стало быть на виду, в центре внимания, руководить — безразлично чем.

Актерам, играющим эти роли, драматург дает некоторый материал. Сложнее

приходится другим исполнителям. Тем не менее и Т. Савсарева (она играет решительную и находчивую Малахову — одноклассницу Лопотухина) и А. Минтраев (угнетенный научным поиском Шафиров) создают запоминающиеся характеры.

«Фантазия-шутка» — так предсудитительно определяет А. Хмелик жанр своей пьесы. «Фантазия-шутка» — и драматург словно бы свободен от психологической мотивировки поступков персонажей и ситуаций пьесы, от четкой расстановки смысловых акцентов.

Пьеса эта — как бы механически сконструированный, а не живой драматургический организм. Это, вероятно, чувствует и театр. Во всяком случае, режиссер М. Карпушкин пользуется максимальной возможностью, чтобы «оживить» ее приметами реальности. Этому служат, в частности, оба эпизода с дейцей Колей (В. Чернов). Обмывание «малого зала» (го консерватории, то гастронома) и сцена норки Лопотухина, конечно, вызывают смех зрительного зала. Но смех этот немного стоит и не прибавляет каких-либо достоинств спектаклю.

«Сконструированному», жестковатому миру пьесы А. Хмелика соответствует и стиль декораций спектакля, где все — школьный класс, директорский кабинет, городской двор с покосившимся забором — собрано на увелеченных деталях детского «конструктора». Интонация пьесы уловлена художником И. Селивановым точно.

Почему театр выбрал для постановки эту пьесу, чем она могла его привлечь, в общем-то, непонятно. Тем более, что драматургия для детских и юношеских театров все еще явно отстаёт от потребностей сегодняшней жизни, сегодняшних зрителей.

Вопросы, затронутые в спектакле, интересны, серьезные и особенно актуальны именно для юного зрителя. К сожалению, именно затронуты и мало разработаны.

Для театра было, вероятно, интересно и еще один момент: необычный жанр пьесы, требующий поиска новых выразительных средств. Чтс ж, эксперимент состоялся. Пусть он и не во всем удался.

В. ГОРШКОВА.